

*Н. А. Копылов,
кандидат исторических наук, доцент МГИМО (У) МИД РФ,
ведущий специалист научного сектора РВИО*

**ЛАТЫШСКИЕ СРЕЛКИ
в Первой мировой войне 1914–1918 гг.:
ФОРМИРОВАНИЕ И СОЦИАЛЬНО-ЭТНИЧЕСКИЙ СОСТАВ**

Аннотация. Статья посвящена проблеме формирования и комплектования национальных воинских формирований в составе российской императорской армии в годы Первой мировой войны. Основным объектом изучения являются латышские стрелковые батальоны, возникшие в 1915 г. С началом летнего (1915 г.) наступления германцев был поднят вопрос о формировании национальных воинских частей из жителей Прибалтики. Взор русского командования обратился к идее создания латышских стрелковых батальонов. Они стали самыми боеспособными частями Северного фронта. В течение 1915–1917 гг. их бросали на самые опасные участки. Латышские стрелки покрыли себя славой в сражении на Тирельском болоте, на Острове Смерти, в «рождественских боях» 1916 г. и при обороне Риги летом 1917 г.

Ключевые слова: латышские стрелки, Первая мировая война, национальные воинские части, русская армия, формирование, Организационный комитет, военные операции, наступление 1915 г., Прибалтика, Латвия.

N. A. Kopylov

**LATVIAN RIFLE BATTALIONS IN THE WORLD WAR FIRST:
FORMATION AND ETHNIC ISSUE**

Summary. Article is devoted to national military formations in the Russian imperial army during the World War First. The main object of studying is the Latvian rifle battalions which have arisen in 1915. During spring campaign of 1915 the German armies took Lithuania and part of Latvia, having created direct threat of further advance to the main town to the main commerce and industry center of Baltic – Riga, and also to the capital of the Russian Empire – to Petrograd. The Latvian rifle battalions became the most efficient parts of the Northern front. During 1915–1917 they were thrown on the most dangerous sites. The Latvian shooters won glory in the battle on the Tirelsky bog, on the Death Island, in “Christmas fights” 1916 and at defense of Riga in summer of 1917. Courage and heroism

of shooters and officers of the Latvian battalions remain bright pages of World War I on the Russian front and need perpetuating in memory of descendants.

Keywords: Latvian shooters, World War I, national military units, Russian army, formation, Organizing committee, military operations, approach of 1915, Baltic, Latvia.

В современном общественном мнении словосочетание «латышские стрелки» неизменно идет вместе с прилагательным «красные», что неотрывно связывает деятельность латышских полков с событиями Гражданской войны в России 1918–1920 гг. К сожалению, из коллективной памяти выпали события, связанные с героической деятельностью латышских стрелковых батальонов в годы Первой мировой войны 1914–1918 гг. Необходимо отметить, что латышские национальные части стали главной опорой русского командования на рижском направлении в 1915–1917 гг. и вписали немало героических страниц в военную историю.

За последние четверть века внимание исследователей в основном сосредоточивалось на боевых действиях латышских батальонов. Вопросы, связанные с возникновением, комплектованием, социальным составом латышских стрелков, можно назвать малоизученной страницей летописи Первой мировой. Именно этому сюжету посвящается данная работа.

Весной 1915 г. германское верховное командование одновременно готовило операцию по прорыву русского Юго-Западного фронта. Она была реализована во второй половине апреля 1915 г. под Горлицей. Хотя русские войска упорно сопротивлялись, к концу июня они отдали противнику всю Галицию. Стремясь отвлечь внимание русского верховного командования от района Горлицы, немцы планировали вторжение своей кавалерией в северную часть Литвы, чтобы оттеснить русские войска от Немана и Каунаса и потом окружить их главные силы. Как отмечал начальник штаба главнокомандующего на Востоке генерал Э. Людендорф, в предназначавшиеся для наступления немецкие силы входили три пехотные и три кавалерийские дивизии, которыми командовал командир 39-го запасного корпуса генерал Лауэнштейн¹.

Германскому натиску в районе Рига–Шауляй в апреле 1915 г. противостояли довольно слабо организованные русские войска, насчитывавшие примерно 20–25 тыс. штыков и 1000–1200 сабель. В состав войск также входили два батальона из Усть-Двинской крепости,

¹ Людендорф Э. Мои воспоминания о войне 1914–1918 гг. М. ; Минск, 2005. С. 142.

состоявшие из восьми рот латышских ополченцев, мобилизованных в Риге и ее окрестностях и в Курземе. В боях при Эндреявас 2-й батальон ополченцев Усть-Двинской крепости потерял около 300 человек убитыми, ранеными и пропавшими без вести, а также весь транспорт. Так как наступление немецкой армии продолжалось, латышские ополченцы были оттянуты к Елгаве. 1-й батальон ополченцев Усть-Двинской крепости участвовал в боях против наступающих германских сил у Картяны и потом также отступил к Елгаве².

19 апреля войсковые соединения, которыми командовали генералы Потапов и Апухтин, отступили к Елгаве и Бауске. В связи с продвижением немецкой кавалерии к Елгаве местная администрация и большая часть жителей постепенно покинули город. Командиры войсковых частей, отступавших к Елгаве, разместили свои силы на юге и западе от города. В числе этих соединений были также оба батальона латышских ополченцев, которые заняли позиции между рекой Лиелупе и дорогой Елгава—Добеле. Немецкой 6-й кавалерийской дивизии 19 апреля не удалось под Елгавой сломить сопротивление русских сил, главным образом обоих батальонов латышских ополченцев, и вечером она вынуждена была отступить. На следующий день наступление противника тоже не увенчалось успехом и немецкая кавалерия отошла от Елгавы в южном направлении. Таким образом, первое немецкое наступление на Елгаву было отбито.

Утром 25 апреля немцы заняли старый город, а вскоре после этого главные силы пробились в новую часть Лиепайи и заняли ее без боя, захватив в плен около 1500 русских солдат.

В начале июля немецкие войска в Литве перешли во всеобщее наступление и, продвигаясь вперед, за пару недель заняли все крупнейшие центры Курземе. Уже 2 июля в руки немцев попала Кулдига, которую русские войска совсем не защищали. Затем германцы без серьезных боев заняли Салдус, Вентспилс и Добеле, а 18 июля — Бауску и днем позже — Елгаву. В результате наступления немецкой армии уже в июле была оккупирована большая часть Курземе до линии Скайсткалне—Бауска—Елгава—Слока. Одновременно с наземными операциями немцы пытались атаковать Ригу с моря, но неудачно. Немецкие войска добились значительных успехов также в Литве и Польше, где для дислоцированных русских войск серьезную опасность представлял прорыв Юго-Западного фронта в районе Горлицы.

² История латышских стрелков (1915–1920). Рига : Зинанте, 1972. С. 40.

Серьезным ударом по русской обороне в районе реки Неман была потеря Каунасской крепости, которую ее комендант генерал Григорьев 9 августа предательски сдал немцам, хотя имелись все возможности для ее обороны. 23 июля в руки немцев перешла Варшава и обширная территория на востоке от польской столицы до Пинска.

В середине августа немецкие дивизии из района Бауски и Биржай продолжали наступление и 21 августа заняли Яунелгаву. Это дало возможность немецким силам закрепиться на левом берегу Даугавы вплоть до Яунелгавы. До начала сентября немцы взяли восточную часть Курземе (Курляндская губерния) до Даугавы, за исключением Екабпилса и Илуксте, а в Литве 5 сентября — Вильнюс.

В начале октября ожесточенные бои происходили под Илуксте, который немцы заняли 10 октября. Их дальнейшее продвижение было остановлено контр наступлением русских войск в районе озера Свентес, и захватить Даугавпилс немцам не удалось. На рижском направлении немецкие войска в начале октября достигли Кекавы, Олайнен и западной оконечности озера Бабитес. Русские войска удерживали небольшой плацдарм на левом берегу Даугавы напротив Икскюле. В результате до начала зимы 1915 г. германская армия заняла значительную территорию и была остановлена в 20–30 км от Риги³.

Таким образом, в течение весенней кампании 1915 г. германские войска захватили Литву и часть Латвии, создав непосредственную угрозу дальнейшего продвижения к главному торгово-промышленному центру Прибалтики — Риге, а также к столице Российской империи — Петрограду.

Потерпев серьезное поражение на центральном и южном участках Восточного фронта и не имея достаточных сил для прикрытия северного направления, верховное командование русской армии было вынуждено изыскивать различные источники резерва. С началом летнего наступления германцев был поднят вопрос о формировании национальных воинских частей из жителей Прибалтики. Взор русского командования обратился к идее создания латышских стрелковых батальонов.

Еще в апреле 1915 г. в связи с вторжением немецких войск в Курземе группа студентов Рижского политехнического института предложила создать из латышских студентов команды разведчиков и связистов, однако этот вопрос нельзя было решать из-за препятствий

³ История латышских стрелков... С. 42–43.

политического характера: органы власти не доверяли студентам. Когда немецкое наступление под Елгавой было остановлено, идею о создании отдельных латышских частей подхватила латышская интеллигенция.

Инициативу проявил депутат Государственной думы Я. Гольдманис, по предложению которого 19 мая 1915 г. в Риге состоялось совещание видных буржуазных деятелей. Кроме Гольдманиса в нем принимали участие депутат Государственной думы Я. Залитис, присяжные поверенные А. Берг, Г. Кемпелис, В. Замуэл и др. На совещании было решено создать организационный комитет, который должен был хлопотать в высших военных инстанциях о разрешении сформировать латышские отряды и вербовать добровольцев для этих частей⁴.

28 мая того же года Гольдманис обратился к и. д. начальника Генерального штаба генералу от инфантерии М. А. Беляеву с письмом, в котором, в частности, отмечал: «События последних дней особенно усилили естественное стремление латышского народа, и в целях его осуществления представители его обратились ко мне с просьбой довести до сведения надлежащих властей об искреннем желании латышей подняться на защиту России от наглого врага путем формирования особых боевых латышских дружин из добровольцев латышской молодежи, наподобие разрешенных уже правительством польских легионов и армянских дружин, и ходатайствовать о необходимом содействии со стороны Военного ведомства к осуществлению этого патриотического начинания». «Сформирование латышских боевых дружин (полков), — писал Гольдманис, — под непосредственным начальством военной власти могло бы оказать существенную помощь нашим войскам, оперирующим как в Прибалтийском крае, так и на других фронтах». Также необходимость призыва латышей на военную службу он видел в многочисленных полезных функциях, которые они могли бы выполнять помимо строевой службы: «Распространенные среди латышей общества велосипедистов, стрелковые, гимнастические и другие выработали в латышской молодежи много качеств очень ценных в военном отношении. Ввиду такого их воспитания проектируемые дружины, помимо чисто боевых задач, могли бы оказать крупные услуги нашей армии в виде вспомогательной службы при поддержании связи между отдельными войсковыми частями, по полевой разведке и летучей почты,

⁴ История латышских стрелков... С. 45.

в виде организации летучих отрядов самокатчиков, команд пулеметчиков, команд связи»⁵.

Согласно всем правилам делопроизводства, вопрос был передан на рассмотрение в Штаб Верховного главнокомандующего, а оттуда — главнокомандующему войсками Северо-Западного фронта М. В. Алексееву, который через своего начальника штаба сообщил, что против создания латышских частей возражений не имеет.

Хотя командование фронта и Верховный главнокомандующий дали положительный ответ, официальное разрешение на создание латышских частей было получено почти через два месяца. Отчасти это объяснялось отступлением войск Северо-Западного фронта, из-за которого непрерывно перемещались и штабы. Однако главной причиной были обстоятельства политического характера.

После письменного обращения Гольдманиса (Гольдман в русских документах. — *Н. К.*) к начальнику Штаба Верховного главнокомандующего Н. Н. Янушкевичу 7 августа 1915 г. было утверждено «Временное положение о латышских стрелковых батальонах». Этот день можно считать рождением латышских национальных частей.

Первоначально командование главную задачу формируемых батальонов видело в том, чтобы «облегчить войскам, действующим в Прибалтийском крае, разведку и службу связи». Считалось, что «латыши, хорошо знакомые с особенностями края (язык, топография, устройство), могут оказать существенную пользу не только как разведчики, но и служа проводниками и переводчиками»⁶. Однако впоследствии было принято решение формировать самостоятельные воинские части. Первым батальонам, состоящим из четырех рот «нормального состава», присваивались наименования: 1-й Латышский Усть-Двинский и 2-й Латышский Рижский стрелковые батальоны. Всего же было сформировано восемь батальонов: 3-й Латышский Курземский, 4-й Латышский Видземский, 5-й Латышский Земгальский, 6-й Латышский Туккумский, 7-й Латышский Бауский, 8-й Латышский Вольмарский стрелковые батальоны.

Пунктом формирования латышских частей была избрана крепость Усть-Двинск. Личный состав должен был набираться из добровольцев, которые давали «присягу на верность службе Его Императорско-

⁵ Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА). Ф. 2003. Оп. 2. Д. 323. Л. 190–191.

⁶ Там же. Д. 324. Л. 14.

му Величеству, после чего считались состоящими на действительной службе, получали все права, связанные с воинским званием и подчиняются действиям военных законов». Также в части могли переводиться «по собственному желанию, состоящие на службе в войсках латыши из вольноопределяющихся, в количестве, определенном для этой категории нижних чинов штатами батальонов»⁷. При общепринятом для российских войск командном языке в латышских батальонах допускалась команда на латышском языке, равно последний допускался и при обучении.

Формирование латышских батальонов отличалось от общей практики, принятой в Российской империи. «Временное положение о латышских стрелковых батальонах» гласило: «Призыв добровольцев латышей, желающих поступить в отдельные стрелковые латышские батальоны, и запись их возлагается на особый организационный комитет латышских стрелковых батальонов. Организационный комитет составляется из 30 членов, представителей наиболее крупных латышских обществ по созыву председателя временного организационного комитета»⁸. Председателем организационного комитета был избран Я. Гольдманис.

Формирование латышских стрелковых батальонов производилось несколькими способами. Во-первых, сразу же после получения высочайшего разрешения на создание национальных соединений в Видземе и Курземе были мобилизованы резервисты, а потом и часть ополченцев. В начале осени 1915 г. в Лифляндской губернии прошла мобилизация ополченцев. Эти мероприятия проводились также для того, чтобы в случае дальнейшего отступления русской армии немцы не смогли использовать на работах мужчин оккупированных районов.

Кроме того, организационный комитет для привлечения добровольцев в латышские соединения объявил, что записавшиеся в них считаются на активной службе и пользуются всеми связанными с этим правами и преимуществами; тем молодым людям, которым в следующий призыв предстояло явиться на призывную комиссию, разрешалось уже заранее записаться в латышские стрелковые батальоны. Организационный комитет завербовал всего около 8000 добровольцев. Начиная с 1916 г. стрелковые батальоны пополнялись новобранцами, призванными мобилизационными комиссиями, и солдатами-латышами,

⁷ РГВИА. Ф. 2003. Оп. 2. Д. 324. Л. 16.

⁸ Там же. С. 18.

добровольно перешедшими или переведенными из других частей русской армии⁹.

Этот второй способ пополнения латышских частей во многом обнажил пороки русской военной бюрократии. Желание латышей служить в национальных батальонах было искренним. Доброволец отдельной запасной команды маршевых дивизионов полка Офицерской кавалерийской школы Антона Кальвова так мотивировал свое стремление перейти в латышские части: «Будучи латышом по национальности и плохо владея русским языком, вследствие чего я зачастую не усваиваю команду на строевом учении, прошу ходатайства Вашего Высокоблагородия о перечислении меня для прохождения военной службы в 1-й Двинский Латышский батальон».¹⁰ Писарь штаба 6-го пограничного округа в г. Тифлисе Матиас Пинк изложил свою просьбу о переводе следующим образом: «Происходя из латышей Курляндской губернии Туккумского уезда, каковой в настоящее время занят неприятелем, покорнейше прошу ходатайства Вашего Высокоблагородия о командировании меня в 6-й Туккумский латышский стрелковый батальон, дабы тем дать мне возможность, сражаясь бок о бок со своими единоплеменниками, отместить врагу за попанную родину.

К сему докладываю, что стремление мое на позиции усугубляется еще тем обстоятельством, что оба мои брата сражаются на Западном фронте и только я вынужден сидеть в тылу в то время, когда моя родина поругана врагом, а родители или убиты, или томятся в плену у неприятеля, так как о них я ничего не знаю уже целый год»¹¹. Вопросами перевода латышей из части в часть занимался напрямую организационный комитет. Чтобы ускорить данный процесс, председателю комитета приходилось напрямую обращаться к командованию фронтовых округов с просьбой о переводе латышских военнослужащих: «Честь имею просить Ваше Превосходительство о переводе в Латышский запасной батальон рядовых 3-й роты Запасного батальона Лейб-гвардии Семеновского полка Яна Киркопа, Германа Гейде и Артура Берзина»¹². Порой это вызывало недовольство воинских начальников, привыкших в строгой армейской субординации. В частности, начальник мобилизационного отдела Главного управления Генерального штаба не раз

⁹ История латышских стрелков... С. 52–53.

¹⁰ РГВИА. Ф. 2000. Оп. 3. Д. 1361. Л. 60.

¹¹ Там же. Л. 287.

¹² Там же. Л. 184.

просил Я. Ю. Гольдмана «сделать распоряжение, чтобы все просьбы о согласиях на переводы латышей из войск Гвардии (расположенных на театре военных действий) направлялись непосредственно на имя начальника Штаба войск Гвардии»¹³. В свою очередь, организационный комитет отмечал, что ситуация с переводами военнослужащих отягощается тем, что «латыши, после неоднократного обращения к своему непосредственному начальству с просьбой перевести их в Латышские батальоны и получения отказа, что было и в данном случае, вынуждены обратиться ко мне для ходатайства перед Вашим Превосходительством о их переводе, иначе они лишены возможности служить в Латышских батальонах и сражаться со своим вековым врагом — немцами на родной земле»¹⁴.

Подобную активность со стороны Гольдмана и его коллег можно оправдать тем, что они были удивлены работой русской военно-бюрократической машины. К примеру, уже через несколько месяцев после начала формирования латышских батальонов командир Латышского запасного батальона докладывал начальнику 25-й стрелковой запасной бригады: «Доношу, что за последнее время из разных частей войск присылаются на пополнение вверенного мне батальона исключительно ратники-старики, страдающие вдобавок каким-нибудь физическим недомоганием, между тем как молодые, вполне здоровые латыши и унтер-офицеры не выпускаются из войсковых частей, особенно из Гвардии. Подобным явлением и объясняется большой процент болеющих и отправляемых в лечебные заведения на переосвидетельствование, где большинство из них признаются пригодными лишь на нестроевые должности, часть — увольнению в отпуск на разные сроки, а часть — увольнению вовсе от службы»¹⁵.

Подобная ситуация, продемонстрировавшая принцип полкового начальства: если переводить солдат, то лучше всего отправить ненужный полку элемент, оставив нужных людей в полку, вынудила Генеральный штаб издать циркулярное письмо на имя командующих внутренними округами Российской империи: «Латышские стрелковые батальоны несут весьма ответственную важную разведывательную службу, требуя молодые здоровые силы, между тем некоторые части, отказывая перевод молодым латышам, направляют в батальон старых,

¹³ РГВИА. Ф. 2000. Оп. 3. Д. 1361. Л. 279.

¹⁴ Там же. Л. 365.

¹⁵ Там же. Л. 160.

непригодных к этой службе. Прошу распоряжения, чтобы все желающие латыши отправлялись в Латышский запасной батальон в Юрьев. Лишь в исключительных случаях латышей можно не отправлять в Латышский батальон»¹⁶. Это во многом помогло не только сохранить боеспособность первых четырех латышских батальонов, но и сохранить их этнический состав.

К концу 1915 г. формирование латышских боевых частей было поручено штабу Северного фронта, который столкнулся еще с одной проблемой. В составе добровольцев, направляемых в запасной батальон, где они проходили азы воинского обучения, чтобы затем распределиться по стрелковым батальонам, выявлялись лица отнюдь не латышского, а тем более не балтийского происхождения. Учитывая свойственную общественному мнению и военному руководству боязнь шпиономании, тем более что недавно прошел громкий процесс военного министра В. А. Сухомлинова, обвиненного в предательстве, начальник Генерального штаба генерал-лейтенант П. И. Аверьянов решил возложить ответственность за процесс формирования латышских частей на организационный комитет. В частности, он писал: «Организационный комитет принимает все меры к тому, чтобы дать государству лучших своих сынов и не допустит в батальоны нежелательных элементов... *прием добровольцев будет производиться исключительно приемной Комиссией Организационного Комитета* (так в тексте. — Н. К.)»¹⁷. Кроме того, предписывалось, «чтобы воинскими начальниками принимались в Латышские батальоны исключительно добровольцы латыши и люди беспорочные, дабы избежать поступления в батальоны прочих инородцев, и особенно — немцев-колонистов». И латышское руководство, и военное командование старались строго следить за сохранением этнического однообразия стрелковых частей. В переписке между организационным комитетом и мобилизационным отделом ГУГШ отмечалось, что «по донесению одного из командиров Латышских стрелковых батальонов в составе маршевых рот, прибывших на пополнение вверенного ему батальона, оказалось значительное число нижних чинов не латышей, а именно: русских, поляков, немцев, литовцев, эстонцев и даже один еврей.

Как выяснилось, эти нижние чины поступают в Латышский запасной батальон как из действующих полков, так и из запасных частей

¹⁶ РГВИА. Ф. 2000. Оп. 3. Д. 1361. Л. 165.

¹⁷ Там же. Л. 187–187об.

внутренних округов империи. Так, например, запасным батальоном лейб-гвардии Измайловского полка 12 января сего года было выслано: поляков — 7; литовцев — 9; эстонцев — 9; немцев — 2»¹⁸.

Благодаря активной работе Организационного комитета удалось не только положить начало формированию латышских стрелковых батальонов, но и добиться постоянного притока пополнения. Главной «кузницей» стрелков стал расположенный в г. Тарту (Юрьев) запасной стрелковый батальон. В конце октября 1915 г. в нем насчитывалось 2227 стрелков, в том числе 300 стрелков постоянного кадрового состава, а в начале декабря 1916 г. в запасном батальоне числилось уже 12363 стрелка и 236 офицеров¹⁹. В течение осени 1915 г. — лета 1916 г., в ходе тяжелых боев на Рижском фронте, в которых стрелки несли тяжелые потери, их численный состав оставался на уставном уровне, что обеспечивало латышским батальонам высокую боеспособность, превращая их в постоянный войсковой резерв командования Северного фронта.

Мобилизационная кампания и постоянный приток добровольцев в стрелковые батальоны обеспечили им стабильный социальный состав, который практически не менялся за все время Первой мировой войны. Обработанные архивные данные восьми латышских стрелковых батальонов (в 1916 г. они были развернуты в полки) позволяют выявить социальный портрет латышского стрелка.

К началу 1916 г. во 2-м Рижском стрелковом батальоне насчитывалось 1639 стрелков. Из них было около 42,2% рабочих, 35,8% безземельных крестьян, 4,7% моряков и рыбаков, 2,2% ремесленников, 8,4% землевладельцев и арендаторов, 3,4% представителей городских предпринимателей. Таким образом, 81,2% стрелков этого батальона были представителями сельских и городских средних и бедных слоев населения. В 4-м Видземском латышском стрелковом батальоне в то же время было 1326 стрелков, среди которых рабочих и ремесленников было 42,2%, а крестьян — 38,2%²⁰. 5-й Земгальский латышский стрелковый батальон состоял из 1521 стрелка, 40% из которых составляли сельскохозяйственные рабочие, 34,6% — рабочие и ремесленники и только 13,4% — землевладельцы и их сыновья²¹. Примерно таким же был социальный состав остальных латышских стрелковых батальонов.

¹⁸ РГВИА. Ф. 2000. Оп. 3. Д. 1361. Л. 330об.

¹⁹ Там же. Ф. 2031. Оп. 2. Д. 45. Л. 240.

²⁰ История латышских стрелков... С. 55–56.

²¹ РГВИА. Ф. 3458. Оп. 2. Д. 26. Л. 138.

В итоге можно сделать заключение, что четверти всех стрелков записались в батальоны добровольно. По этническому составу 90% из них были латыши. Кроме того, вместе с латышами как добровольцы или призывники в батальоны попали также эстонцы, литовцы, русские и представители других национальностей. Почти все стрелки умели читать и писать, число неграмотных не превышало 2%²².

На время формирования и обучения латышские стрелковые батальоны размещались в Милгрависе, Болдерае. Однако условия проживания там трудно назвать подходящими. Расположенные в Милгрависе стрелки в своих письмах домой жаловались, что они живут в тесноте, как сельди в бочке, спят на голых досках, а некоторые даже на холодном цементном полу. 6-й Тукумский батальон был размещен в главном корпусе судостроительного завода, превращенном в казарму. Стрелки 8-го Вольмарского батальона, укомплектованного в декабре 1915 г., из-за недостатка полевых кухонь стрелки в первое время не получали горячей пищи²³.

Еще одним важным вопросом, влиявшим на боеспособность латышских частей, было обеспечение их необходимым вооружением. Начало создания стрелковых батальонов пришлось на так называемый период «снарядного голода», когда не хватало вооружения и боеприпасов для полков и дивизий, сражающихся на фронтах. Кризис вооружения в русской армии заставил командование внутренних округов снабжать вновь формируемые части оружием различного производства, хранящимся на складах. Так, для латышских батальонов начальником снабжения Северного фронта было затребовано 2694 винтовки системы Винчестера. Причем, рассматривая этот вопрос, начальник мобилизационного отдела ГУГШ П. А. Аверьянов подчеркивал, что винчестеры следует направить латышским стрелкам «принимая во внимание более развитой состав этих батальонов и то, что они будут укомплектованы из одного и того же запасного латышского батальона, что позволяет вести однообразие подготовки, можно было бы все латышские батальоны перевооружить Винчестерами, что обеспечило бы их винтовками, в то же время немного сократило бы потребность в трехлинейных винтовках»²⁴. Всего же было дано распоряжение о выделении для латышских стрелковых батальонов 8071 винтовок Винчестера.

²² История латышских стрелков... С. 57.

²³ РГВИА. Ф. 2152. Оп. 1. Д. 1198. Л. 243–245.

²⁴ Там же. Ф. 2000. Оп. 3. Д. 1361. Л. 57.

Более того, была разработана система обучения новобранцев обращению с этим оружием. ГУГШ, занимаясь этим вопросом, отдал распоряжение начальнику Офицерской стрелковой школы: «Прошу обучить обращению с винтовками Винчестера офицеров и нижних чинов, призываемых в школу из латышских батальонов»²⁵.

Плохое снабжение сильно повлияло как на качество обучения, так и на настроение добровольцев. Хотя в русской армии официальный срок обучения новобранца в военных условиях был рассчитан на три месяца, в связи с наступлением немцев на Слоку 1-й Усть-Двинский батальон отправился на фронт через 59 дней после зачисления в батальон последней группы добровольцев. Большая часть оружия была выдана стрелкам за месяц до окончания обучения, а пулеметчиков пришлось подготовить за 15 дней, так как только тогда были получены пулеметы. Подобным же было положение во 2-м и 3-м батальонах; предусмотренный курс обучения прошли те латышские стрелковые батальоны, которые были сформированы позднее. Таким образом, первые латышские батальоны были отправлены на фронт полуобученными и сразу же брошены в бой²⁶.

Однако усилия, направленные на формирование первых в истории русской армии балтийских национальных частей, не пропали даром. Латышские стрелковые батальоны стали самыми боеспособными частями Северного фронта. В течение 1915–1917 гг. их бросали на самые опасные участки. Латышские стрелки покрыли себя славой в сражении на Тирельском болоте, на Острове Смерти, в «рождественских боях» 1916 г. и при обороне Риги летом 1917 г. Мужество и героизм стрелков и офицеров латышских батальонов останутся яркими страницами Первой мировой войны на русском фронте и нуждаются в увековечении в памяти потомков.

²⁵ РГВИА. Л. 95.

²⁶ История латышских стрелков... С. 59.